

УДК 821.161.1-3.09+929 Даль

Н. Л. Юган – кандидат филологических наук, доцент
кафедры всемирной литературы Луганского
национального университета имени Тараса Шевченко

Сатира и юмор в народных книгах В. И. Даля

*Работа выполнена на кафедре всемирной
литературы Луган. нац. ун-та им. Тараса Шевченко*

В статье представлены исследования в области комедийной поэтики сборников В. И. Даля «Солдатские досуги», «Матросские досуги», «Два сорока бывальщинок для крестьян». Здесь выявляются фольклорные и литературные источники комизма, проводятся параллели между далевскими сюжетами и пословичным, сказочным материалом. Писатель прибегает к комическому изображению жизненных событий для показания неприемлемости некоторых стереотипов поведения, просвещения и лёгкого усвоения информации военнослужащими.

Ключевые слова: сатира, юмор, фольклор, публицистика, народные книги, воспитание.

Юган Н. Л. Сатира і гумор в народних книгах В. І. Даля. У статті представлено дослідження комедійної поетики збірок В. І. Даля «Солдатське дозвілля», «Матросське дозвілля», «Два сорока бувальщинок для селян». Тут виявляються фольклорні та літературні джерела комізму, проводяться паралелі між далевськими творами й прислів'ями, казковим матеріалом. Письменник удається до комічного зображення життєвих подій для показання неприйнятності деяких стереотипів поведінки, освіти та легкого засвоювання інформації військовослужбовцями.

Ключові слова: сатира, гумор, фольклор, публіцистика, народні книги, виховання.

Yugan N. L. Satire and Humor in V. I. Dahl's Popular Books. The article presents a study of comic poetry collections by Vladimir Dal' «Soldiers' spare time», «Sailors' spare time» and the series «The two forty stories for peasants». It identifies folklore and literature of comedy, and draws a parallel with proverbs and fairy-tale material. The writer uses the comic to events for the image reading unacceptability of certain stereotypes, educating and easy assimilation of information by military personnel.

Key words: satire, humor, folklore, journalism, popular books, pedagogical.

Постановка научной проблемы и её значение. Ещё во второй половине 1830-х гг. В. И. Даль задумывался о необходимости создания литературы для народа. Он всегда осознавал эту проблему как актуальную и насущную. В 1843 г. выходит в свет далевский сборник «Солдатские досуги», в 1853 – «Матросские досуги», а в 1861 г. – книга «Два сорока бывальщинок для крестьян». Сравнивая сборники В. И. Даля с аналогичными произведениями того времени, первый биограф автора П. И. Мельников отмечает, что «Досуги» изображают жизнь солдата безыскусственно, правдиво и что сборник не похож «<...> на позднейшие книжки для народного чтения, которые писались и пишутся неумелыми руками либо из-за одних денег, либо с предвзятыми тенденциями <...>» [7, 472].

Анализ последних исследований из этой проблемы. Сборники армейских «Досугов» уже были предметом научного анализа. В монографии В. П. Вильчинского [2], статьях В. Казарина [6], Т. Г. Струковой [8] говорится об истории создания и некоторых особенностях поэтики «Матросских досугов». В статье Г. Г. Шаповаловой, помимо творческой истории, проводятся тематическая и жанровая классификации произведений сборника [10]. В. П. Царёва анализирует центральный образ сборника (образ Петра I) [11]. Ю. П. Фесенко изучает творческую историю сборников, а также концепцию «Матросских досугов» [9, 165–167]. Сопоставительный анализ «солдатского» и «матросского» сборников предложен в нашей статье [13]. «Два сорока бывальщинок для крестьян» практически не исследовались современными литературоведами. В нашей статье анализируется творческая история этого сборника и его идейно-художественное своеобразие [12].

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Цель данной работы – выделить и охарактеризовать комическую составляющую в далевских «Книгах» для народного чтения.

Для «Солдатских досугов» свойственна уже ставшая традиционной для далевского творчества тема «русского авось». «До чего доводит авось да небось», «Недрузи наши», «Супостаты наши», «Конвойный» – это рассказы, в которых, приводя примеры из солдатского быта, писатель осуждает

корысть и «дурь, глупость мужицкую». Эта тема развивается и в «Матросских досугах» («Три супостата»). Писатель, видимо, хочет дать народу возможность задуматься над разными проявлениями этих негативных черт ментальности.

Рассказ «Застрельщик» показывает неприхотливость и высокий уровень требовательности к себе русского солдата. Ситуация представлена в форме крайней степени безрассудства человека, всегда готового к службе и подвигу. Его слова создают юмористический эффект. На предложение адъютанта не бежать, так как он быстро устанет, только что перебинтованный егерь, торопясь к месту сбора, отвечает: «Да я <...> тороплюсь, чтобы сгоряча подоспеть да поработать; а как сердце отойдёт да рана разболится, так после, чай, уж и не смогу!» [5, 26]. В рассказе «Покажи ему лоб» приводится быль, граничащая с выдумкой. Уральский казак, для того чтобы выманить врага из засады, показывал свой лоб из укрытия, а его товарищ стрелял по врагу. Смех возникает при осознании отрешённости героя, который для достижения цели просто исключает из сознания опасность и возможность её вредных последствий для здоровья и жизни.

В очерке «Знахарство и заговоры» высмеивается вера простонародья в чудодейственную силу целителей-шарлатанов. Приводя будничные примеры возникновения слухов вокруг явлений природы (дождя, града), которые якобы обходят стороной одни посева в пользу других, писатель изображает народ в виде героев, которые верят в небылицы, окутанные пеленой непознанного.

Знахарь в очерке – человек, пользующийся невежеством и доверчивостью простолюдина, обращающегося за помощью. «Коли сами напрашиваетесь в дураки, так мне вас не жалеть стать; давай сюда мешок круп, давай курицу, давай сена воз – пригодится для хозяйства» [5, 73]. Писатель смеётся над ситуацией, в которой сравниваются несопоставимые вещи: действия «знахаря» и плата за них. «Вот знахарь наш и плюнет, дунет да наговорною водицею поворожит, а взятку возьмёт да накажет, чтобы в молодой месяц опять шли на поклон, да не с порожними руками, а то, говорит, пропадёт и заговор» [5, 73]. В. Даль рассуждает над подобными явлениями в сельском обществе, отталкиваясь от религиозности и человеческого универсального страха перед бедой (навязанного извне). Если урожай удаётся, значит, помог «знахарь», если нет – божья воля. У самого же «знахаря» всегда есть отговорки, которые воспринимаются на веру. Например, после приёма в кудесника человек пошёл не в ту сторону или пожалел того, что принёс за труды. «И дело с концом; мужик же и виноват» [5, 74].

Автор адаптирует очерк из сельского быта к солдатскому быту. В роли мужика выступает солдат, который, заплатив большую цену за так называемый оберег от пули, получает сильнейшее ранение на поле боя. «Иван Стропилов наш как выходился да оправился, так плюнул и на заговор и на знахаря, и сам себя дураком назвал <...>» [5, 75]. Писатель также приводит примеры словесного «лечения» от порезов, когда люди верят в чудодейственное исцеление, если «<...> не перерублены большие кровяные жилы, кровь течёт, поколе не запечётся, да и перестанет, так знахарь наш и похвлялся, что кровь остановил <...>» [5, 76], а мужики ахают и удивляются. При этом доверие к «знахарю» не теряется даже при сильных ранах. Если попадалась ему глубокая рана – поруб, «<...> он себе на ум: это, говорит неспроста; это порублено топором наговорным; надо было сперва отчитать топор, а теперь – не знаю, как справимся!» [5, 76]. Объектом осмеяния становятся мужицкая доверчивость и невежество, которые заставляют простолюдинов причислять подобных «знахарей» к сверхлюдям.

Делая сатирическим героем рядового русского человека, чьё суеверие не даёт ему жить полноценной жизнью, а заставляет придерживаться ложных учений о сверхсилах, В. Даль (в рассказах «Ворожейка» (1848), «Знахарь», «Волхв» (1861)) даёт возможность целевому читателю посмеяться над собой.

Ирония в очерке «Расторопные ребята» заложена уже в названии произведения. Три анекдотических рассказа о человеческой рассеянности изображают три жизненных ситуации. В первом герою необходимо купить масло и уксус, наполнив ими разные отсеки судка. Придя в магазин, он подставляет сосуд, набирает масла и, не заткнув пробкой, переворачивает судок и набирает уксуса. «Гриша, да где же у тебя уксус?» – «А вот он», – говорит, – «сверху». – «Ну, а масло-то где же?» – «А вот оно», – отвечал Гриша, и снова перевернул судок» [5, 115]. Другая история касается армейской жизни. Это случай из жизни «доброего, услужливого, но глуповатого» денщика, который сделал всё наоборот. «Золочёные пуговицы на мундире и киверный прибор вычистил кирпичом; подошвы

на капитанских сапогах, чтоб не трескались, смазал чистым дѣгтем; поставил резиновые калоши сушить на печку, где они растопились и расплылись блином; и, наконец, принялся ещё дѣргать из бобрового воротника седой волос, чтобы оставался один чёрный» [5, 116]. Третья история показывает пример нерасторопности работников, которых смотритель застал в момент безделья. «Ты что делаешь?» – «Ничего». – «А ты что?», – спрашивает он другого, который оробел и недослышал, что отвечал первый. – «Да я <...> вот ему помогал» [5, 116].

Сюжет шутливого рассказа «Солдатский привар» взят из бытовой сказки «Каша из топора». В рассказе хитрый солдат варит суп из бороны, заставляя скупую хозяйку доставать всё новые и новые ингредиенты для полноценного блюда. В произведении меняется только средство для демонстрации солдатской хитрости – борона вместо топора. В качестве источника комизма у В. Даля выступает фольклор.

«Где горе, там и смех» изображает поле боя после Бородинской битвы, усеянное убитыми и ранеными. Диалог двоих разбавляет трагедию комедией. Солдат с оторванной ногой обращается к старшему по званию, раненному пулей навывлет в обе щеки. «Что молчите, Иван Петрович <...>; наряжай косолапую команду свою за дровами да за соломой!» Фельдфебель покачал головой и молчал, потому что не мог говорить. «То-то, Иван Петрович, <...> тебе не командовать, а мне не пройтись!» [5, 49]. По свидетельству автора, этот диалог был услышан одним из участников битвы.

«Матросские досуги» отличаются от «Солдатских досугов» стилем изложения. В них гораздо больше публицистичности. «Матросские досуги» рассказывают о русском флоте, кораблях, морских походах, быте матросов.

Для юмористического колорита писатель помещает в сборник анекдоты, тематика которых связана с морем. Анекдоты органично входят в сборник, они дают возможность читателю отвлечься от серьёзного рассказа на смех. Так, анекдот «Ветер» – шуточный диалог, юмор которого основан на изворотливости русского матроса. На вопрос: «Отчего ветер?», – он отвечает: «Да, вишь, сверху-то небо, а снизу-то вода либо земля, а с боков-то ничего нет – ну, оно и продувает» [4, 27]. Явление, которое постоянно сопровождает бывалого моряка, будто бы никогда не вызывало у него интереса. Не пожелав «остаться в долгу», он предлагает вместо научно обоснованного ответа суждение, исключающее какую-либо научность или логику.

В рассказе «Адмирал Крон» писатель при характеристике героя привносит в рассказ юмористическую деталь. Он, будучи недовольным чем-либо, говаривал: «Какой это караб! Это стыдно для видно; какой это матрос – кажни человек ничего не знает; это карашо для ничево!» [4, 99]. Комизм речи в данном случае основывается на постановке предложения, на особенностях произношения, переданных в виде «знаменательных» речевых оборотов Крона.

Кроме воспитания патриотизма, укрепления веры в силу флота России, автор, понимая бессмысленность прямых поучений и морализаторства, привносит в публицистику «Матросских досугов» фольклорный и литературный материал, создающий комический эффект. Делясь наблюдениями и размышлениями, писатель прибегнул к комизму речи, комизму хода мысли персонажей, осмеянию русской доверчивости.

О своеобразии комического пафоса в армейских «досугах» можно сказать, что писатель использует как сатиру, так и юмор. В большей степени в книги включены анекдоты, случаи из жизни (приближённые к анекдотическим), призванные развлечь и одновременно просветить целевого читателя во время отдыха. Сатирическому осмеянию в сборниках подвержены доверчивость и неспособность к элементарному анализу («русский» авось, о знахарях). При этом В. Даль обращается больше к фактам и фольклору (сказочный материал, анекдоты, песни), чем использует литературные приёмы (отсутствие психологических характеристик, минимальный вымысел).

Традиционные языковые средства комизма в книгах для народного чтения Даля чаще превращаются в средства изображения жизнедеятельности народов России. При этом использование диалектной лексики при сопоставлении с литературной нормой создаёт эффект комизма. Но подобные случаи сведены до минимума: нарочито упрощённая речь персонажа («Борона»), особенность образа («Генерал Крон»).

Целью создания сборников «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» является развитие и воспитание демократических слоёв общества, занятых на срочной службе. Объединяют армейские «досуги» образ русского человека, готового в любой момент на словесную остроту и тяжёлый бой, а также язык, выдержанный в народном стиле и не предполагающий фальши.

Сборник народных рассказов, сказок, личных наблюдений писателя, анекдотов «Два сорока бывальщинок для крестьян» написан литературным языком, но с органичным включением разговорных и просторечных слов и выражений, написан без иносказания, пространных размышлений, выражения субъективного мнения автора. Широкий спектр насущных для крестьянского быта тем, включение идей о мировоззрении и воспитании накладываются Далем на фольклорные сюжеты. В каждом из них В. Даль сосредотачивает внимание на донесении до читателя одной конкретной мысли. Так, «бывальщинки» могут быть определены как новеллы из крестьянского быта.

В произведениях мы видим образ крестьянина – выходца из разных областей России. В цикле также можно встретить ссылки на Европу и среднюю Азию. Новеллы сборника можно разделить на идеологические, патристические («Отчизна», «Бунтовщик», «Отцовский суд», «Светлый праздник»), касающиеся семейной проблематики («Родство и служба», «Сын и приёмьш», «Отцовский суд», «Иван Плетухан (Лапотник)»), обучающие и развивающие («Русская печь», «Веревки, лапти, тяжи, пестеры», «Земля», «Рассказ пленника Фёдора Грушина») и др. Также для цикла характерна уже ставшая традиционной в творчестве В. Даля тема «русского авось» («Недрузи наши», «Авось»).

В комизме «бывальщинок» просматриваются в основном фольклорные корни (анекдоты, притчи). Использование авторской сатиры сведено до минимума. Увидеть комическое начало представляется возможным лишь в немногих новеллах цикла. Например, новеллы «Черепки», «Пешая кобыла», «Назолушка», где комическим героем, который смешит читателя приключаясь с ним маленькими трагедиями, является традиционный еврей-бедовик, дополняется «бывальщиной» «Жид и цыган на часах». Ставшие традиционными комическими персонажами цыган и еврей («Еврей и цыганы», «Мужик и цыган», «Цыган») в очередной раз встречаются в далевском произведении, где смешат читателя. В новелле «Жид и цыган на часах» цыган обманывает еврея, оказавшись вместе с ним в поле. Договорившись спать по очереди, чтобы не пропали лошади, напарники решают, что первым будет дежурить еврей. Во второй раз еврей собирается лечь спать и видит, что цыган тоже ложится. На недоумение цыган отвечает: «А что мне караулить <...> у меня кобыла вороня, ночью её не видать, никто не украдёт; у кого серая, тот и караулит. Жид долго кричал и бранился, да боялся, чтобы не украли лошади, и пошёл её стеречь» [3, ч. I, 136]. Цыган в итоге спит и вторую ночь.

Новелла «Не положи, не ищут» – насмешка над героем, который, наслушавшись историй о кладях, решил быстро и легко разжиться деньгами. Узнав от кузнеца о том, как найти сказочный клад, мужик отправляется ночью на поиски золота. По «методу» кузнеца главный герой должен сесть под деревом «<...> в самом глухом месте, не дремать, не шевелиться, сидеть смирно, да глядеть во все глаза: станет к тебе вдруг подходить клад, словно из земли вырастет, либо лешим, не то человеком, не то волком, или лошадь, и прямо пойдёт на тебя; ты всё сиди; а как подойдёт близко, ты не трусь <...>, да вдруг вскочи, да ударь его прямо по морде, наотмашь <...>» [3, ч. I, 71]. Далее клад должен был предстать перед ним в виде золота и драгоценных камней. Так и случилось: кто-то появился рядом с главным героем, он его ударил, но это оказался кузнец, который, поверив в собственные бредни, пошёл проверить, не обделит ли его мужик. Кузнец, возможно, является средством озвучивания наивных суеверий народа или просто чудачком. Так или иначе в произведении осмеивается народная вера в быструю и лёгкую денежную наживу, вера, которая отвлекает от решения более важных насущных дел. Писатель использует сказочный сюжет («Клад» [1, 607]) для того, чтобы выяснить народное понимание подобных суеверий.

Среди «бывальщинок» можно встретить притчи, в которых есть комический элемент. Например, в «Притче о дятле», которая уже встречалась в «Солдатских досугах», осмеивается общечеловеческое качество, которое выглядит как отречение от зарок на что-либо. В форме иносказательного повествования, изображающего уставшего дятла, что зарекается клевать деревья, так как уже болит голова, а со следующего дня вновь принимающегося стучать. «Каяться и зарекаться хорошо, коли помнишь слово своё и зарок, и, сделав раз худо, станешь вперёд от худа бегать» [3, ч. I, 37]. Мораль притчи звучит в форме пословиц: «Кто лжёт, тот и заклинается, кто пьёт, тот и зарекается» [3, ч. I, 37]. Так, на примере отвлечённого сюжета В. Даль, изображая глупую птицу, даёт возможность читателю, улыбнувшись, задуматься над собственными поступками.

В «Притче о вороне» в форме народного иносказания писатель предлагает осмыслить ошибки в воспитании детей. Сюжет притчи заключается в том, что вороне поручено найти птицу для развлечения орла – царя. Размышляя над тем, какую птицу позвать, ворона перечисляет соловья, «<...> да

он тонко свищет и косноязычен, трещит <...>«; чижа, щегла, чечётку – <...> так их и не услышать <...>» [3, ч. I, 39]. Её выбор останавливается на своём сыне, лучше которого никому не спеть, – «авось угодит оно и на его милость!» Кульминация сюжета заключается в том, что дремлющий орёл вздрагивает от каркающего над самым ухом воронёнка, который <...> драл воронье горло своё, как можно шире; а старая ворона покачивалась на сучке, кивала головой и ждала большой похвалы начальства и милости своему любимому детищу, которое так сладко поёт» [3, ч. I, 39]. Реакция орла резка и выражена при помощи сниженной, разговорной лексики: «Молчать, дура! – закричал орел. – «Что за набат? Режут кого, караул кричат, что ли?» [3, ч. I, 39]. Заключает писатель притчу моралью, осуждающей заблуждения, которые мешают развитию человека: «Всяк норовит своему: всяк сам себе и краше и лучше». Налицо обращение к фольклорному комизму – осмеивание человеческих качеств на примере животных, глупых или наивных.

В бытовой новелле «Борона» смеховой пафос создаётся при помощи комизма положения, а также комизма речи персонажей. Разговор героев состоит из нескольких повторяющихся фраз, мало чем отличающихся одна от другой. Действие происходит в крестьянской избе, муж делает борону, жена «сидит за куделькой». «Так что ли хозяйка?» – спросил он. – «Сам ты знаешь, что так, отвечала она. – «Так-то так <...>, да вон-то как» [3, ч. II, 108]. Сделав борону, <...> ещё раз пяток приставал к хозяйке, что так ли, да вон-то как будет! А она ему всё то же» [3, ч. II, 108]. В итоге оказалось, что борона не может быть вынесена из дома, а хозяйка, по словам мужа, виновата в том, что отвечала на вопрос неосознанно. На недоумение жены хозяин отвечает: «Нет, врешь; я тебе и толковал: так-то так, да вон-то как? – а ты всё знай своё: «коли тут так, то и вон так <...>» [3, ч. II, 108]. После этого объяснения хозяйка, по словам автора, понимает, в чём она ошиблась. Комизм речи выражен в максимальной смысловой наполненности одних и тех же слов. Истинный диалог персонажей происходит не вслух, а на уровне их понимания друг друга. Даже при объяснении «тонкостей» сказанного супруги прибегают к минимальному привлечению слов, отличных от уже произнесённых.

Все произведения цикла написаны в доходчивой для крестьянина того времени форме, то есть с использованием разговорных лексических форм (например мячка вместо матушка, бачка вместо батюшка) и фразеологических оборотов, без речевых фигур и глубокого психологизма, без выражения авторской оценки происходящего. При этом речь рассказчика литературная, не стилизованная.

Для комических новелл этого цикла свойственно переплетение эпических и драматических повествовательных начал. Комизм используется с целью обличения вредных качеств и привычек (глупость, пьянство, невежество), а также для переключения внимания читателя от серьёзных тем и размышлений на забавную ситуацию или событие. Используя в своих произведениях комические средства, характерные для фольклора, писатель принаравливает сюжет и язык повествования к среде крестьянства.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, В. И. Даль, по сути, является родоначальником такого жанра литературы, как книга для народа. Перспективой исследований в этом направлении является рассмотрение далевских произведений для народа в соответствующем литературном контексте.

Список использованной литературы

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки / Афанасьев А. Н. – М. : Альфа-книга, 2008. – 1088 с.
2. Вильчинский В. П. Русские писатели-маринисты / Вильчинский В. П. – М. ; Л. : Изд. «Наука», 1966. – 236 с.
3. Даль В. И. Два сорока бывальщинок : [ч. 1–2]. – [Изд. 2-е] / Даль В. И. – СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1880.
4. Даль В. И. Матросские досуги : рассказы / В. И. Даль ; [сост., предисл., обраб. и словарь Л. Асанова]. – М. : Детская лит., 2010. – 206 с.
5. Даль В. И. Собрание сочинений : в 10 т. / Даль В. И. – СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1898. –Т. VI.
6. Казарин В. Морская слава Отчизны / В. Казарин, А. Рудяков // Слово о флоте Российском. Морские повести русских писателей. – Симферополь : Таврия, 1989. – С. 297–302.
7. Мельников П. И. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк / П. И. Мельников // В. И. Даль. Документы. Письма. Воспоминания / сост. Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова, А. Г. Прокофьева, В. Ю. Прокофьева. – Оренбург : ООО «Оренб. книж. изд-во», 2008. – С. 443–514.
8. Струкова Т. Г. В. И. Даль – моряк, писатель, энциклопедист / Т. Г. Струкова // Вестник Воронежск. гос. ун-та. – Сер. 1. Гуманитарные науки. – Воронеж, 2001. – Вып. 2. – С. 23–33.
9. Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция / Фесенко Ю. П. – Луганск ; Санкт-Петербург : Альма матер, 1999. – 262 с.

10. Шаповалова Г. Г. Опыт создания первых книг для народа («Матросские досуги» В. И. Даля) / Г. Г. Шаповалова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. II / отв. ред. Р. С. Липец, В. К. Соколова. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 58–70.
11. Царёва В. П. Образ Петра I в «Матросских досугах» В. И. Даля / В. П. Царёва // Пятые Далевские чтения : тезисы, статьи, материалы. – Луганск : Изд-во Восточноукр. гос. ун-та, 1996. – С. 140–146.
12. Юган Н. Л. Сборник В. И. Даля «Два сорока бывальщинок для крестьян»: творческая история, структура, идейно-художественное своеобразие / Н. Л. Юган // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. – Луганськ : Альма-матер, 2010. – № 11 (198). – С. 229–239.
13. Юган Н. Л. Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В. И. Даля как книги для народного чтения / Н. Л. Юган // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. – Запоріжжя : Вид-во ЗНУ, 2009. – № 2. – С. 106–116.

Статья сдана в редколлегию
16.02.2012 г.

УДК 821.161.2'06-3.09

О. В. Яблонська – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української літератури Волинського національного університету імені Лесі Українки

Особенности поэтики романа О. Турянского «Сын земли»: архетипный уровень, интертекст, сказовые элементы

Роботу виконано на кафедрі української літератури ВНУ ім. Лесі Українки

У статті з погляду теорії архетипів проаналізовано роман О. Турянского «Сын земли». Досліджено вагомість таких архетипних образів, як Земля, Самість, Він і Вона, Дім, Матір, диявол, Вогонь. Простежено прагнення письменника змоделювати образ ідеального героя національного світу. Доведено, що соціальні мотиви твору представлені в казковому варіанті сюжету.

Ключові слова: соціальні мотиви, архетипні образи (Земля, Самість, Він і Вона, Дім, Матір, диявол, Вогонь), інтертекстуальність, казка.

Яблонская О. В. Особенности поэтики романа О. Турянского «Сын земли»: архетипный уровень, интертекст, сказочные элементы. В статье с точки зрения теории архетипов проанализирован роман О. Турянского «Сын земли». Исследована весомость таких архетипных образов, как Земля, Самость, Он и Она, Дом, Мать, дьявол, Огонь. Просматривается стремление писателя смоделировать образ идеального героя национального мира. Доказывается, что социальные мотивы произведения представлены в сказочном варианте сюжета.

Ключевые слова: социальные мотивы, архетипные образы (Земля, Самость, Он и Она, Дом, Мать, дьявол, Огонь), интертекстуальность, сказка.

Yablonska O. V. Poetic Features of O. Turiansky's novel «The son of the Earth»: Archetypal Level, Intellect, Fairy-Tale Elements. In the article is analyzed O. Turiansky's novel «The son of the Earth» from the point of view of the theory of archetypes. Are researched ponderability such archetypal images as: Earth, loneliness, He and She, Home, Mother, devil, Fire. It is overlooked desire of writer to design the image of ideal hero of national world. It is proved that social reasons of the work are presented in fairy-tale variant of the plot.

Key words: social reasons, archetypal images (Earth, loneliness, He and She, Home, Mother, devil, Fire), intertextuality, fairy-tail.

Постановка наукової проблеми та її значення. У сучасному літературознавстві переважає увага до антивоєнної тематики [11, 8–14], [11, 23–31] чи поетики експресіонізму [8] твору О. Турянского «Поэма межамі болю». На основі роману «Сын земли» С. Пінчук робить висновок про піднесеність, високу емоційну напругу, «співучість і ліризм» стилю; Л. Лебедівна акцентує на образі України [5], [6]; психоаналітичні аспекти образу Івана Куценка як прототипу автора проаналізував А. Печарський [8, 75].